

РЕФЛЕКСИЯ НА ПЕРЕЖИВАНИЯ ДЕТСТВА В УСЛОВИЯХ КОНЦЛАГЕРЕЙ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ: К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Аннотация. Публикация посвящена рефлексии взрослых на события и переживания детства, прошедшего в жесточайших условиях фашистского концлагеря. Представлены саморефлексии бывших узников концлагерей.

Ключевые слова: рефлексия на переживания детства; опыт; психическая травма; отсроченные последствия травмы.

Abstract. The article is devoted to reflection adults on the children's experiences of that took place in the most severe conditions of a Nazi concentration camp. Represented themselves self-ex-prisoners of concentration camps.

Keywords: reflection on the experiences of childhood; experience; psychic trauma; term effects of trauma.

Рефлексии жертв, оказавшихся в фашистских концлагерях²

Храмова (Михайленко) Надежда Терентьевна

Родилась в 1925 г. на Украине, в Житомирской области.

Помню начало войны: было воскресенье. После известия начался страшный переполох и очень быстро пришли немцы. Детей в семье было много. Страшно было. Многих сельчан сразу же расстреливали, других сжигали, загоняя в конюшни или школу. От немцев спасались, как могли. Симулировали болезни, чистотелом натирались, заводили чесотку и вшей – немцы страшно этого боялись. На телегах нас погнали к железной дороге, посадили под замок. Увезли в Германию. Пригнали в лагерь рабочих, помню только улицу – Шансенберг. Фабрика была по выделыванию кожи, нашили нам голубые таблички «OST» (восточный).

Сразу же пришла мысль о побеге, выбрались через речонку на железную дорогу. Сидели в лесу больше недели. Гестаповцы поймали, вернули в лагерь и посадили в карцер (цементные сидения, комната не больше нашего туалета, без окон, лишь одна дверь).

¹ Продолжение. Начало см.: Развитие личности. – 2011. – № 2.

² Тексты воспоминаний публикуются с согласия автора проекта профессора Н. В. Сапожниковой по тексту книги: Эхо несостоявшегося детства: говорящая Книга Памяти (на материалах Нижневартовского общества бывших малолетних узников лагерей «Жертвы войны». – 2-е изд., испр. и доп. – Нижневартовск, 2011.

Мы были жестоко наказаны, нас били, не разбирая, по голове или ногам. В лагерь пришла немка и забрала к себе на работу. Убирала у нее золу из печи, стирала до тех пор, пока пальцы до самых костей не стирались, очень жестокая была хозяйка, убежала от нее в Саарбрюккен, к другому хозяину, но над ним стоял все тот же хозяин, что и над лагерем. Хотели отдать в шахту, расплакалась я и отпустили в свой лагерь. Работала на французской кухне. Вскоре лагерь разбомбили. Спрятались в лесу, собрались колонной. Немцы нас угнали в другой лагерь, название не помню. Оттуда гоняли полы в учреждениях мыть, колени протирались. Было все равно, ребенок ты или взрослый человек, немцы не щадили никого. Здесь немцы вели себя особенно жестоко, заставляли людей себе же копать ямы для могилы, потом ставили людей в ямы и расстреливали, все это происходило и при детях. Конечно, и среди немцев находились такие, которые нас жалели, некоторые нас подкармливали. Но в целом – страшно!

Освободили нас американские войска в 1945 г., домой гнали через Пруссию пешком, далее по железной дороге вывезли в степь на карантин (от сифилиса). Оставили без воды и без еды, ходили по дачам, попрошайничали. Потом наших водили на допрос в КГБ. Домой попала только в 1946 г.

Помню страшные картины: в одном из немецких военных городков, вблизи озера Озели, нам показывали могилы людей, залитых вживую раскаленной смолой. В одной из немецких перевалочных баз одна из комнат была полностью увешана трупами людей. Их разрезали, вытаскивали внутренности, наталкивали соломой и подвешивали за горло на крюк.

О чем наиболее тяжело вспоминать – так это об украденном детстве; самой лагерной обстановке; послевоенном периоде «фильтрации» с его «особым» отношением к бывшим узникам. Современное отношение к отечественной истории в целом и пожилым людям в частности в нашей стране, полагаю, нужно менять в сторону действительной заботы, внимания и памяти! Поздно о нас вспомнили, многие из нас уже умерли...

А какую огромную радость испытывали мы от возвращения на Родину, домой! После войны нашла себе мужа, его по путевке послали на целину в Казахстан, там сорок лет и прожила, там и дети появились, а потом внуки.

Жадкевич Ирина Васильевна

Родилась в 1919 г. в Брянске. Замужем никогда не была. В данный момент живу в городе Нижневартовске с сестрой, которую когда-то удочерила, и ее мужем. Есть четверо внуков-мальчиков, которых очень люблю. До начала войны окончила бухгалтерские курсы, работала помощником бухгалтера. В 1974 г. ушла на пенсию. Перед уходом на пенсию работала бухгалтером в Облмедхозснабе (снабжали медикаментами, посудой, инвентарем и т.д.).

...Война застала нашу семью в 1941 г. в городе Орле. Так как мама болела, врачи посоветовали переехать в местность с сухим климатом, в

частности, в город Орел. Когда началась война, в городе началось смятение. Кругом было мародерство. Продукты выдавались по талонам, есть было практически нечего. Русские сами сжигали свои дома и все то, что они не хотели, чтобы досталось врагу. Когда в городе появились немцы, они организовали рынок, где русские меняли ценные вещи на очистки от картофеля и на кожуру от моркови. Сахара и соли не было.

В 1943 г. немцы погнали семью в Германию, на биржу труда. Я попала к хозяйке, которая очень жестоко обращалась со своими работниками. Она их била, ели они в стороне украдкой, чтобы хозяйка, не дай Бог, их не заметила. Пленники делали черную работу: чистили картофель, ходили на рынок, носили белье в химчистку. Через некоторое время меня отобрали на работу к другому хозяину, звали его Рудольф Бауэр. Хозяин был добрым человеком, ел с работниками за одним столом. А иногда, по праздникам, даже платил небольшие деньги своим работникам. Когда освободили Германию, хозяин лично привез нас на лошадях в лагерь к русским. Лагерь состояли из длинных бараков и подразделялись по направлениям: Южное, Восточное, Северное, Западное. Я попала в Восточное направление. Потом в составе троих девочек увезли в Лейпциг, где мы работали в ОХО (сортировали продукты, вещи). Позже меня отправили в город Николаев работать на судостроительном заводе подсобницей.

Во время плена не раз случались крайне опасные ситуации, как, например, однажды зимой полицай загнал всех работников в двухэтажное здание, которое раньше было банком, и начал ко мне приставать. Я, спасаясь от него, прыгнула с окна второго этажа на снег. Когда горел элеватор, а есть было нечего, то ели горелое зерно. Но самые тяжелые воспоминания связаны с тем периодом жизни, когда работала на хозяйку. Слава Богу, что все это закончилось. Хотя, конечно, годы, проведенные в неволе, наложили соответствующий отпечаток на нынешнюю жизнь. И я заработала такое заболевание, как цирроз печени.

После войны отец вернулся с фронта и встретил девушку Иру, с которой они расписались. Вскоре он написал мне письмо с приглашением приехать к ним. Жить с отцом и мачехой понравилось. Через некоторое время родилась моя сестра Жанна. В 1952 г. умерла мачеха и я стала для своей сестры Жанны фактически матерью. Нынешняя забота от Жанны – самая большая награда, полученная мной от жизни.

По словам Жанны, дочери Ирины Васильевны, ее замечательная мама – такой человек, который в жизни ничего и никогда не просил для себя. Она всю свою жизнь делала все для других. В то же время Ирина Васильевна – очень сильная и волевая женщина, которая прошла все на своем веку: и огонь, и воду, и медные трубы. И заслужила спокойную старость.

Атрохин Владимир Демьянович

Родился в 1932 г. в селе Кокоревка Брянской области. С первой женой прожили 33 года (она умерла в 1991 г.). Со второй женой (Зоей Алексеевной Журимей) – с декабря 1992 г. От первого брака имеются

две дочери, два сына. Все они живут в Брянской области. Иногда приезжают в г. Нижневартовск навестить отца и познакомить внуков с бабушкой. Работал и столяром, и слесарем, и шофером. Трудовой стаж составил 50 лет. На пенсии с 1990 г.

Начало войны встретил в поселке Кокоревка. Окончил первый класс. В 1942–1943 гг. немцы полностью сожгли поселок. Все жители перебрались в лес, жили в землянках. У нас не было ничего, кроме коровы. Питались ягодами, лесными яблоками, молодыми побегами липы. В лагерь попал в десятилетнем возрасте и находился там по сентябрь 1944 г. Пришла крупная советская разведка. Через десять дней, когда они стали отступать, мы всей семьей попросились идти с ними и нас погрузили на повозки.

На лес, где жили партизаны и обычное население, обрушилась облава в три цепи: вместо партизан (их поймали очень мало) пленили мирное население, где я оказался со всей своей семьей – с двумя братьями, тремя сестрами и мамой. Цыган и коммунистов расстреливали прямо по дороге. Сначала направили в тюрьму г. Локоть (Брянская обл.), где нас продержали четыре недели. Затем – на станцию Бросово, в вагоне обработав какими-то химикатами, от которых потом горело все тело. На третий день, решив нас покормить, немцы высыпали котел картошки на цементный, очень грязный пол; выстроили всех в шеренгу, каждый должен был, подойдя к куче, взять две крайние картошки.

Когда пришла моя очередь, я не взял крайнюю картошку, так как она была вся в песке и грязи, а потянулся за рядом лежащей, чтобы немцы не увидели, но тут же надзиратель пнул меня под зад и ударил плеткой. Шрам был толщиной в два пальца и заживал три месяца, боль была адская. Картошку я так и не взял, пришлось стать в очередь заново.

В очередном из «лагерей смерти», который был расположен в г. Резекне (Латвия), распорядок дня выглядел следующим образом: утром давали 0,5 л противного горького кофе и 100 г хлеба наполовину с древесными опилками; вечером – 0,5 л баланды и 100 г того же хлеба. Каждое утро людей выводили на «плац», выстраивали и держали их там, иногда по шесть часов.

Отношение лагерной администрации к нам, детям, было ничуть не лучше, чем к взрослым. Выполняли одну и ту же работу, даже кормили в одинаковом количестве, сострадание полностью отсутствовало. Если ребенок падал или плакал, его могли спокойно расстрелять. Именно поэтому матери все время следили за своими детьми. Мы рано повзрослели. Мы не знали детства.

Поэтому День Победы является самым наивысшим праздником для меня. Это гарантия жизни будущему поколению. Хотя немногие знают об ужасных событиях военного времени. Мне тяжело сказать, почему. Когда я служил в армии, мне хотелось вступить в партию, но, узнав, что я являюсь бывшим узником концлагеря, мне отказали. Сейчас мне не на что жаловаться. Дети и внуки здоровы, значит, все хорошо.

Петриченко (Лимарева) Мария Павловна

Родилась в 1926 г. в Ворошиловградской области.

Меня угнали в Германию в сентябре 1942 г., в 16 лет. Везли в вагонах, где перевозили лошадей. Приехали в город Ковель (Польша). Там мы прошли санобработку и потом привезли в какой-то город ночью. Здесь нам выдали железные бирки на шею примерно 12х16 сантиметров с номерами на грубой цепочке. Номера я не помню. Здесь же сняли отпечатки с большого пальца в трех копиях.

Потом меня привезли в Берлин той же ночью. Выстроили в ряд по два. Прошел начальник лагеря с собакой, переводчиком и фонарем. Меня вывели из строя и сказали: «Ты будешь работать на кухне». Когда я дождалась утра, начала искать своего родного брата. Но его здесь не оказалось. Так началась моя жизнь узника.

Жили за проволокой целый год. Брата я так и не нашла. Через год нам выдали «аусвайс» и нашивки «ост». С этим «документом» мы могли пойти в парк, где сидел в заточении антифашист Эрнст Тельман. Лагерь наш находился возле большого завода «Сименс», окруженного большим каналом. Завкухней звали фройлен Гайман. Всеми русскими лагерями по снабжению питанием руководил герр Петч. Вскоре наш лагерь разбомбили, и многие погибли. Из моей комнаты две девушки были убиты. Меня перевезли в другое место в Берлине. Бомбили союзники – США, Великобритания, а также СССР, бомбили каждую ночь. Много было разрушений. Второго начальника кухни звали Новак – чех. Это был жесточайший человек, нас, русских, ненавидел. В нашем отделении лагеря было два полицая, одного мы звали Папашей. Он нам все рассказывал, что скоро Гитлеру капут, придут русские. «В 1943 году Рузвельт, Черчилль, Сталин заключили договор», – услышала я от него. А другого мы звали Собакой: это был настоящий фашист. Он всегда ходил с собакой и резиновой плеткой. И если кого заставлял перелезающим через проволоку, мог убить или дать собаке на растерзание. Мы голодали, нас кормили одним шпинатом. Многие убежавшие не возвращались. Наш лагерь разбомбили в апреле 1945 г. Освободили нас русские 5 апреля 1945 г. Потом всех собрали в один лагерь в городе Ораниенбург. Оттуда я и была привезена на Родину в 1945 г. Самая большая радость – когда мы узнали, что едем домой. Это было 9 мая. Огромная радость, что Господь хранил меня всю войну и хранит до сего часа, а мне уже 78 лет.

Вернувшись обратно домой, работала на шахте (разделявала породу).

Вышла замуж. Есть дочь, внуки, живут отдельно. После войны работала бухгалтером. С 1979 г. живу в Нижневартовске. Верующая, уже 13 лет езжу в дом молитвы в Старый Вартовск. Но лагерь сказывается до сих пор: у меня, как и у большинства узников, остеопороз, боли.

Важно помнить, что фашизм – это разруха, убийства, истребление мира.

Мащина (Радькина) Александра Филипповна

Родилась в 1935 г. в деревне Косное Брянской области. Вдова. Двое детей: дочь и сын; четыре внучки, один внук, две правнучки. После войны работала, где только можно было, так как была еще маленькой. Основные профессии – повар, штукатур-маляр. Перед уходом на пенсию работала в конторе общественного питания УРСа «Нижневартовскнефтегаз». На пенсии с марта 1994 г.

...Война нас застала в Брянской области, в деревне Косное. Мне тогда было шесть лет. О начале войны нам объявили, и мы убежали в лес. Прятались в канаве, кушать ничего не было, и мы вернулись в деревню. Там уже были немцы: заходили в дом и грабили, забирали весь скот. Когда нас забирали в лагерь, мне было около восьми лет. До какого года мы там находились, я не помню. Освободили американцы. Лагерь находился в г. Люксембург.

Немцы начали отступать и всех нас забрали с собой. Шли пешком и на лошадях, а до Германии ехали на поезде. Там мама работала на вырезке торфа. Нас у нее было четверо, мы ей помогали. Старший брат работал на пилораме, где он остался без пальцев. Кормили нас очень плохо. Мы плели корзины из лозы и меняли их на хлеб. Самое страшное то, что мы находились под постоянным присмотром эсэсовцев и за колючей проволокой. А выжили благодаря нашей маме. Мы должны были слушать каждого солдата, послушаться – верная смерть. Иногда нам удавалось побегать с другими детьми и на этом все. С утра до вечера работали. Жаль «украденного» у нас детства.

У нас было представление о Родине, ведь нам так хотелось домой, на родную землю. Мы очень сильно скучали! А какая радость была в связи с освобождением из плена и окончанием войны! Особенно, что мы все еще живы, а ведь нас осталось так немного. Но нашу послевоенную жизнь удачной явно не назовешь. Когда мы приехали домой, нас ждало разочарование: жить негде. Да и время было сложным.

Осталось все в памяти и все стоит перед глазами, чуть что – слезы на глазах.

Трунова (Папирняк) Надежда Степановна

Родилась в 1924 г. на Украине, в селе Пыляво Винницкой области.

Есть три дочери, внуки, правнуки. Работала в железнодорожной столовой. В Нижневартовске с 1974 г. В свободное время шьет, читает, пишет стихи, поет в хоре.

...Война меня застала в Виннице, дядя сделал поддельный паспорт, и уже в 16 лет я была замужем. Беременной меня угнали в Германию в лагерь Дортмунд, на чулочную фабрику. Там работала, спала, ткала из бумаги какие-то матрасовки для мертвых немцев.

В лагере родила ребенка. Хотели отобрать, не отдала. Спали на четырехэтажных нарах, кормили баландой, хлебом с опилками. В концлагере людей убивали, снимали скальпы, обрабатывали и делали абажуры для

ламп. Когда была там, разбили мне мениск. В самом лагере добра мы не находили, а вот мирное население нас жалело и иногда подкармливало, то морковь подкинет, то булку хлеба найдем в траве.

Освободили нас американские войска. Многим предлагали уехать в Америку, из 45 человек вернулись в Россию только семь, а я сказала: «Россию не брошу!». Но, когда мы вернулись из Германии, наши парни нас не уважали и называли проститутками. Хотя я считаю свою последующую жизнь в целом удачной: несмотря на то, что я необразованная, я работала на «умных» работах, на вагоностроительном заводе в Белгороде.

Наградой считаю для себя пансионат, где живу. Здесь мне хорошо, я всегда говорила: «Я здесь живу как в раю, только поверх земли!» Однако никогда нельзя забывать, что фашизм – это смерть.

Плецкая Тамара Николаевна

Родилась в 1943 г. в пригороде города Леобен на фабрике Бригль Бергмейстера.

По своему возрасту (родилась в 1943 г.), естественно, у меня, младенца, своих воспоминаний быть не может. Обо всем происходившем с моей семьей я знаю из рассказов моей матери – Плещкой (Мващенко) Анастасии Ивановны и ее солагерников, с которыми я познакомилась совсем недавно, ведя поиск оставшихся в живых детей-узников лагеря Никласдорф из семейного блока.

Осенью 1942 г. моих родителей угнали в Германию. На фильтрации в городе Граце (Австрия) их отобрали для работы на фабрике Бригль Бергмейстера, что располагалась в пяти километрах от города Леобен на юго-восток.

Таких было 15 семейных пар. Жили они на чердаке автогаража в лагере за колючей проволокой. Личные номера, «осты», деревянные колодки на ногах. Еда – шпинат да «супок» из брюквы как подарок к праздникам и маленький кусочек хлеба. 15 женщин работали на бумажной фабрике, вымешивая ногами чаны-штофы с древесиной и кислотой. В положенное время родилось семь девочек и один мальчик. За всем наблюдала лагерфюрерша. За мужчинами на токарных работах – мастер Маврич.

Через месяц после моего рождения мама сильно заболела крупозным воспалением легких, и нас отвезли в частный госпиталь в Леобен, где за больными ухаживали монашки из местного костела. Благодаря этому мы остались живы. У мамы не было молока и меня подкармливали женщины-австрийки из палаты, лежащие рядом с нами. В конце 1944 г. лагерь начали сильно бомбить. В одну их бомбежек меня контузило, так как мы оказались в завале разрушенного дома. С тех пор я – слабовидящая. В живых нас сегодня осталось четверо детей, все со слабым здоровьем. Остальные умерли в детстве. Возвращались мы в Советский Союз глубокой осенью 1945 г. Со дня Победы мать меня везла чуть ли не полгода!

А потом – все как у всех: проверки, запреты, унижения и святая тайна матери о моем рождении. Только через 50 лет она рассказала мне о том, что сама смогла вспомнить, как это с нами было там, в Германии. Тогда, в 1994 году, я так много узнала о себе самой, что я стала сесть.

Захотелось увидеть [тех], кто так же, как и я, был рожден в лагере, познакомиться с ними. Вот ведь судьба-злодейка! Удивительно, но я и предположить не могла, что [мы двое] в одной люльке лежали в лагере, в одной школе учились, за одной партой в классе сидели, домой одной дорогой ходили, дрались, но до самой старости не знали, что мы из одного лагеря, барака, одной ложкой вскормлены, одной судьбой повенчаны! <...> Пройдя по нескольку судов, <...> мы теперь «восстановленные». Только гражданство у каждого свое: границы и расстояния мешают общению и помощи друг другу...

Наше узниковское братство (хотя я не люблю <...> слово «узник») совсем невелико: по всей России едва наберется 300 тысяч взрослых и детей. Это все пенсионеры и практически инвалиды, хотя реабилитаций у нас не было ни в 45-м [году], ни сейчас. Невозможно осознать то, что тогда [в детстве] было с нами на самом деле. Но ведь это было! И об этом надо говорить и помнить <...>, как бы нам ни было тяжело и горько.

О наших судьбах, нашей истории написано много. Жаль только, что эти книги пишут зачастую сами же бывшие узники, и выходят в свет они мизерными тиражами, оседая там, где живет автор. Одну из таких [книг], бесценную по материалу, [мы привезли] в Нижневартковск. <...> Это была наша грантовая программа.

Читайте, люди! Изучайте нашу войну, где концлагеря – это миллионные кладбища без могил, где сегодня растут <...> травы на священной земле, пропитанной кровью страдальцев, в том числе детей СССР. И где каждый день был подвигом ради жизни и спасения, ради будущего.

P.S.: Регистрировали наше рождение в каком-то здании за территорией лагеря. Врач, спасавший нас, был эмигрантом из Украины.

Алехно Василий Григорьевич

Родился в 1938 г. в деревне Вежны Светлогорского района Гомельской области.

...Помню зиму. Огромная колонна женщин, стариков, детей. Все люди движутся в каком-то направлении. По обе стороны – вооруженные немецкие солдаты с собаками и березовыми дубинами в руках. У каждого на груди железная бляха. Никто не мог даже на шаг выйти из колонны (тут же следовал удар дубиной, независимо от того, кто это сделал). Утром мы очутились на огромной поляне в лесу. Территория была ограждена множеством рядов колючей проволоки. Кругом вышки с пулеметами. Так мы оказались в Азарическом (название на белорусском языке) лагере смерти, который находился на территории Белоруссии. В лагере не было ни одного барака. Стояла зима: январь, февраль, март. Люди ложились на мерзлую землю. Кто-то утром вставал, а кто-то оставался лежать навечно. Мертвые

лежали вместе с живыми. Выйти из этого лагеря не было никакой возможности. Десять метров до колючей проволоки – <...> люди или взрывались на минах или их срезало автоматной очередью. Воды не завозили – топили снег и так пили воду. Было одно место возле проволоки не заминировано – там собирался народ получить хлеб, который солдаты из приезжающей машины порой бросали через проволоку голодной толпе. В питании был только один хлеб. Кто поймает батон хлеба, тот выживал. Позже, будучи взрослым, читал один документ, подписанный Адольфом Гитлером, где говорилось, что при отступлении немецких войск лагерь должен был быть заражен сыпным тифом. Это должно было вызвать эпидемию тифа при контакте с Советской армией. Но что-то помешало. Так мы остались в живых. В том лагере находился я и моя семья: братья Николай и Михаил, мама Варвара Николаевна, бабушка, бабушка, тетя с тремя детьми, сестра Валя, которая после освобождения умерла. Нас освободили в 1944 году.

Тимофеева (Рапцевич) Мария Михайловна

Родилась в 1925 г. в селе Белом Ленинградской области.

...Когда в село пришли германские войска, началось мое гонение по лагерям, на работу, так как я была в семье одна рабочая: больная мать да братику пять лет, два брата были на фронте. Мне тогда было 16 лет. <...> Я работала на дробилке камней для дороги <...> от станции Оредеж до Ленинграда. День работали под конвоем с собаками, а на ночь закрывали нас в бараках <...> в Ям-Тесове, даже в церкви. Помню, там еще были дети из Белоруссии. За работу нам давали хлеб с опилками. Когда работали недалеко от дома, 15–20 км, я старалась ночью побежать к своим и понести им хлеб.

Один раз не успела добежать на проверку. Меня сильно ударил один немец по лицу, а потом автоматом по голове и отправил в комендатуру. А там пригрозили: один раз еще убегу – расстреляют. Но когда узнала, что отправят в Германию, решила бежать из лагеря, который находился в деревне Воронье Гнездо или Апраксин Бор, что под Ленинградом. Нас обстреляли, меня ранили в ногу. Это было 23 ноября 1943 г. А 28 ноября <...> всех жителей нашего села Белое ночью под конвоем с собаками выгнали из домов и пешком погнали на станцию Оредеж, где погрузили в товарные вагоны и повезли в Латвию.

В местечке Мадонна нас разобрали хозяева на работы. Так я начала батрачить, доить коров, пахать землю, зимой пряхь лен по вечерам. А 17 февраля 1944 г. меня вывезли в Германию, где использовали на различных строительных работах, а потом я работала у хозяина деревни Гехинген. Помню семью Генриха: мать – Эмма, а дочь Эльза.

Освободили нас французы, а потом американцы. Номера своего не помню. Но были у нас на рукавах синие тряпочки с буквами «рус» или красные ленточки. Потом нас, русских, собрали в лагерь, где приезжало наше военное начальство и вело с нами разговор. В ноябре 1945 г. мы вернулись в село Белое.

Юдин Иван Михайлович

Родился в 1928 г. в деревне Псурь Брянской области.

К началу войны мне было тринадцать лет. Я помню, что в 1942 г. мою деревню Псурь немцы сожгли. Это было летом. Меня вместе с другими жителями деревни насильно под конвоем погнали этапом. Пригнали в деревню Большая Жуковка, загнали в скотный сарай, забили досками. И как поняли мы после, нас хотели расстрелять и заживо сжечь, так как наша деревня относилась к партизанскому району и поэтому подлежала полному уничтожению. Но почему-то [карательную акцию] отменили и затем этапом погнали дальше. Сначала в лагерь в селе Улема и затем в концлагерь города Брянска, где держали нас вместе с военнопленными, отгороженными колючей проволокой. Кормили крапивой, отбирали молодых и здоровых, кто мог выполнять работы, загоняли насильно в железнодорожные вагоны и везли, как скот, в Германию. Последний распределительный концлагерь был Зоест. Там работали на фирму «Бавва» и других, выполняя непосильную работу под обстрелами и бомбежками. Кормили плохо, работа была, как у заключенных.

Освободили нас американцы в апреле 1945 года. Переправили нас водным путем на корабле через Англию в город Одессу. Там был фильтрационный пункт. Оттуда я и приехал домой на Брянщину.

Логваль Роман Францевич

Родился в 1940 г. в Белоруссии. До начала войны жил в деревне Белица Жлобинского района.

...Семья наша была из восьми человек. Мне был год, когда началась война. Что было со мной и моими родителями во время войны, я сам не помню. О том, как мы попали в концлагерь, мне рассказывали родители уже после войны. После объявления войны в нашем селе вскоре появились солдаты Красной Армии, колоннами они двигались в сторону Бобруйска. Шли тайно. Через два дня со стороны деревень Пуки и Кабановка объявились немцы. Начался бой. В этом бою, кроме солдат, погибло очень много мирного деревенского населения; сгорели дома.

Деревня осталась в руках немцев. Прочесав окрестности, они выловили в лесах еще немало красноармейцев, вывели их на кладбище и расстреляли. Затем взялись за мирных жителей. Нашу семью выгнали из дома и мы отправились в деревню Турки, где жили наши родственники, пока не было немцев. Через месяц вернулись мы в свою деревню. До зимы 1944 г. мы жили в оккупации.

Приближение фронта привело немцев в ярость. Они решили остановить советские войска с помощью распространения тифа. На нашу семью навалились несчастья. Старших братьев Дмитрия и Федора угнали рыть окопы и строить различные укрепления. В это же время тяжело заболел отец и умер. Старшую сестру Марию, заболевшую тифом, немцы забрали из дома и вывезли в лес под Рогачев. О дальнейшей судьбе Марии мы ничего не знаем. Через неделю после смерти отца мы решили бежать, но не тут-то было. Войти и

выйти из деревни было уже невозможно. Вокруг стояли посты. Поступила команда собираться. Прихватив с собой кое-какие вещи, мы по команде пришли к машинам, погрузились. Машины привезли всех в Жлобин, к зданию, огороженному колючей проволокой и охраной с собаками.

Ночевали на улице прямо за оградой, а было начало марта. Наутро всех под дулами автоматов и под лай собак погнали к платформе и погрузили в вагоны-телятники. Часа в четыре дня поезд остановился на станции Рудобелка. Нас выгрузили. Со станции под охраной погнали в первый лагерь в районе деревни Рудня. Это было болотистое охраняемое место. Лечь было невозможно, везде была вода. Собрав вещи, сложили их в кучу и, взгромоздившись на нее, переночевали. Утром всех немцы построили в колонну, и мы пошли дальше. Но не все могли найти в себе силы на очередной переход. Очень много стариков и слабых маленьких детей остались там умирать.

Второй лагерь был на возвышении. Воды не было. <...> Началась давка и немцы открыли стрельбу... Истрадавшиеся люди от жажды и голода не [находили] выхода. Посредине был туалет. Содержимое вычерпали, [но] вода прибывала и ее пили. <...> Наутро вновь пришлось идти и опять без крошки во рту. Многие истощенные жители бросали своих детей. <...> У меня в лагере отнялись ноги... Но мать меня не бросила. За юбку матери держались брат Алексей и сестра Люба, а меня мать несла на спине. <...> Третий лагерь <...> находился недалеко от деревни Азаричи. <...> Здесь мы прожили до конца освобождения Белоруссии.

Тяжела была послевоенная жизнь. <...> Только осенью 1946 г. мы попробовали своей картошки. <...> Дальше вспоминать нет желания и тяжело. Вот так прошли мои детские годы.

Кожевникова (Романенко) Екатерина Васильевна

Родилась в 1927 г. в Кировоградской области (Украина).

...Когда началась война, мне было 14 лет. Нас согнали в район к вечеру, а утром пешком повели за 35 км в областной центр – Кировоград. Там дня три собирали эшелон, затем погрузили в телячьи вагоны и повезли в Германию, в город Эссен. Вот я и увидела, сколько там заводов! Нас привезли в лагерь Германияштрассе. На работу водили под конвоем, обуты мы были в деревянные колодки. Без нашивки «Ост» никуда нельзя было выйти. На заводе АППА-2 или АНКА всех нас вызывали и выгоняли на работу из бараков. Я была маленькая, худенькая, но таскала листы железа на кучу, потом эту кучу краном увозили в конец цеха. Поработали мы с полгода, потом завод разбомбили. Бомбежки были и днем, и ночью. Бомбили англичане и американцы, доставалось, в основном, лагерям. Сколько я потеряла подружек там, не было даже времени поплакать над ними, так как через час опять была бомбежка.

Кормили нас супом из брюквы, хлеб 200 грамм из опилок. Боялась я немцев с овчарками, так как полицаи натравливали на нас собак. Вольно ходили все нации, кроме русских, и собак натравливали только на

русских. В марте 1945 г. американцы освободили нас. Мне было 17 лет, а весила я тогда 40 кг. Мне так надоел суп с брюквой, что я до сих пор не могу кушать репу.

У американцев мы были до сентября, они нас откормили. Можно много еще описывать, но тяжело. Подружки были: с Ворошиловграда Мария Михайловна Пилипенко, с Киева Валя Павленко, я потеряла их адреса. Мне так одиноко.

Соснова (Цимерман) Роза Адамовна

Родилась в 1940 г. в селе Широкая Балка Николаевской области.

Вся наша семья (мать – Цимерман Алимпиада Георгиевна, отец – Адам Адамович, брат – Михаил Адамович, сестра – Елизавета Адамовна) с июня 1941 г. по январь 1943 г. проживала в Николаевской области на временно оккупированной территории. Во время оккупации папа сильно болел, а мама работала принудительно на рытье траншей. В январе 1943 г. нас насильственно эвакуировали немецкие власти в Польшу, в город Кладаву, где работали в сельском хозяйстве.

Папа и маленькая сестренка были больны. Эвакуировали нас этапом. По дороге на ночь нас всех загнали в какой-то сарай-конюшню: люди валились с ног от усталости, голода и холода. Ночью началась бомбежка. Лошади переполошились, забились и заржали. Сестренка моя перепугалась и на всю жизнь осталась зайкой, а я лишилась слуха, так как оглохла на левое ухо. Когда мы прибыли в лагерь, то местные жители приходили посмотреть на нас, как на зверинец, через колючую проволоку. Они нас называли «черноморскими свиньями», потому что этап прибыл с Черного моря из г. Николаева.

Мама работала в сельском хозяйстве, жили в курятнике, а взрослые старались подкармливать детей через отверстия оконных решеток, чем придется. Папа умер 22 февраля 1944 г. В неволе встретились с бабушкой – Цимерман Эмилией Адамовной, папиной мамой, домой возвратились с ней вместе в ноябре 1945 г., но уже в Алтайский край на спецпоселение.

(Публикацию подготовила Наталия Осухова)